

"Мировая политика" → Мир ведет виртуальную войну за реальные ресурсы

Теги: Северная Америка, экономика, Игорь Панарин, В России, экономический кризис, Европа, Политика, За Рубежом, Русская служба, США, финансовая пирамида, макроэкономика, «Мировая политика», рыночная экономика, эксперт, финансовый кризис, экономический рост, промышленность, Сергей Глазьев

Игорь Панарин

22.01.2013, 20:09

[Скачать](#)

Сергей Глазьев и Игорь Панарин.

© Фото: «Голос России»

Зачем страны-эмитенты резервных валют увеличивают выпуск денег, как виртуальные ресурсы могут помочь реальному сектору экономики выйти на новый технологический уровень и почему западные игроки опасны для российского финансового рынка, "Голосу России" рассказал советник президента РФ по координации развития интеграции в рамках Таможенного союза Сергей Глазьев (ВИДЕО)

Для слушателей старше 16 лет.

Гость программы - Сергей Юрьевич Глазьев, советник президента Российской Федерации по координации развития интеграции в рамках Таможенного союза, академик Российской академии наук.

Ведущий - Игорь Панарин.

ВидеOVERсия программы:

Панарин: Здравствуйте! Мы обсудим тему [мирового экономического кризиса](#) и пути его преодоления. У меня в гостях академик РАН, советник президента России Сергей Юрьевич Глазьев. Здравствуйте, Сергей Юрьевич!

Глазьев: Здравствуйте!

Панарин: В конце прошлого года вы опубликовали статью под таким интригующим названием: "Мировая война печатных станков". Что вы вкладываете в понятие мировой войны? И, собственно, почему печатных станков?

Глазьев: Вообще-то, название придумали журналисты. Оно отражает [драматизм происходящих в мире событий](#), связанных с борьбой за выживание, с борьбой за лидерство в будущем цикле. Сейчас вопрос стоит даже более остро. Я работаю по парадигме длинных волн Кондратьева, и мне нынешний кризис понятен с точки зрения смены длинных волн.

Панарин: Наш соотечественник очень точно заранее спрогнозировал динамику мировой экономики?

Глазьев: Он открыл эти явления пульсации. Их нельзя назвать циклами с астрономической точки зрения. День-ночь, 24 часа в сутках - эти циклы очень строго описываются математикой. А циклы Кондратьева более размазаны по времени. Скорее это не циклы, а волны, пульсации, которые порождают волну.

Панарин: Термин "волны Кондратьева" наиболее четко отражает суть?

Глазьев: Он отражает содержание. Появляется момент, когда исчерпаны существующие технологические возможности, экономика погружается в депрессию, капитал, высвобождаясь из устаревших производств, накапливается в финансовом секторе, что провоцирует финансовые пузыри, возникает турбулентность.

Выход из этой турбулентности связывается с новым пучком технологий, которые в это время привлекает к себе бизнес. По мере вызревания этого нового технологического уклада экономика снова входит в устойчивый режим роста, который продолжается 20-25 лет.

[Нынешний кризис отличается от предыдущих](#) по некоторым весьма существенным, но не принципиальным параметрам. Мы видим многие классические проявления кондратьевского цикла, включая финансовые пузыри, депрессию, турбулентность и периодичность. Предыдущий кризис такого рода был в 1970-1980-е годы, последовал всплеск цен на нефть как начало процесса высвобождения капитала из устаревших производств.

Но есть отличия: раньше главным способом преодоления этой кризисной турбулентности было увеличение государственных расходов. Капитал в это время теряет ориентиры. Грубо говоря, капиталисты не понимают, куда вкладывать деньги. [Государство берет на себя риски](#). Каким образом? Во-первых, активизируется инновационная активность государства, вкладывается больше денег в развитие науки. Это мы сейчас наблюдаем во всех странах мира.

Панарин: Эта тенденция есть во многих странах мира?

Глазьев: И в разные периоды. Допустим, предыдущий кризис 1970-1980-х годов - колоссальный рост расходов на информационно-коммуникационные технологии через "звездные войны", гонку вооружений.

Панарин: Хотя эти "звездные войны" во многом были придуманы. Это была модель для определенного скачка?

Глазьев: Тем не менее в эту выдуманную угрозу были вложены гигантские деньги, и это позволило американской экономике сформировать ядро информационно-коммуникационных технологий, которое стало базой нового технологического уклада, ежегодный рост которого составляет где-то 20 процентов.

Панарин: *То есть этот цикл давал мощный прирост экономике?*

Глазьев: Если экономика в среднем росла на 3 процента, то это ядро давало 20-25 процентов в год. И, собственно, сгенерировало экономический рост не только само по себе, но и проникло во все смежные отрасли. Комплекс информационных технологий спровоцировал революцию.

Панарин: *Это ядро движения вперед и мирового лидерства США?*

Глазьев: Конечно. Они накопили, усилили свое преимущество за счет этого. Аналогичным образом через милитаризацию, через военные расходы проходил переход к новому технологическому укладу в 1930-е годы. Это все кончилось катастрофой мировой войны.

Панарин: *Кончилось ужасно.*

Глазьев: Есть обнадеживающие отличия, связанные с тем, что новый технологический уклад - это нанотехнологии, которые резко повышают эффективность производства, снижают материалоемкость. Например, светодиоды дают экономию примерно на два порядка. Они потребляют в 10 раз меньше электроэнергии, чем обыкновенные лампочки, и служат в 8 раз дольше. Их эффективность в 80 раз выше, чем у ламп накаливания, но и, наверное, в 30 раз выше, чем у ламп дневного света. Это пример, который иллюстрирует качественный скачок.

Почему капитал приходит в эти новые технологии? Потому что эффективность повышается в разы. Тот, кто первым освоит эту технологию, получает гигантские сверхприбыли. Так вот, сейчас носителем этого нового технологического уклада, главным предъясвителем спросана него является уже не столько промышленность, включая военно-промышленный комплекс, сколько гуманитарная отрасль. Это здравоохранение...

Панарин: *Сергей Юрьевич, я вас перебыю. То есть, получается, что есидля того, чтобы нашим телезрителям, радиослушателям стало ясно, если предыдущие циклы, скажем, ядро было одним, то сейчас, вы хотите сказать, фокус переходит в иную сферу?*

Глазьев: Каждый раз меняется. Скажем, в предыдущем цикле была информационно-коммуникационная технология.

Панарин: *Скорее, более технологическая составляющая.*

Глазьев: Базой была микроэлектроника. Кто предъясвлял спрос на микроэлектронику? Прежде всего системы вооружения и банковский сектор. С этого все начиналось.

Панарин: *Получается, что это стимулировало в определенном смысле роствоенных расходов, локальные конфликты?*

Глазьев: На эту тему можно порассуждать. Но мне кажется, мало замеченным фактом является то, что в рамках либеральной идеологии право государства наращивать расходы закреплено только за обороной. Считается, это можно.

Панарин: *А остальное как бы нельзя?*

Глазьев: Нет, нельзя вкладывать деньги в инфраструктуру, в социалку, в промышленность, в производство. Но либеральная идеология разрешает государству в целях национальной безопасности вкладывать деньги в оборонную промышленность, в вооруженные силы, в полицию. Поэтому неизбежно в рамках либеральной модели государства рост государственного вмешательства через экономику всегда шел через милитаризацию.

Панарин: *Через военно-промышленный комплекс. Вообще, парадоксальная ситуация. Борются за права человека, а на самом деле создают фундамент иных...*

Глазьев: На самом деле, трудно назвать что-либо менее гуманным, чем бомбардировки Югославии или Ирака, где погибли уже...

Панарин: *Я перебыл, Сергей Юрьевич. Я был в Белграде, был шокирован. На центральной улице находится роддом, который был разрушен. Его нечасто показывают. Здание, в котором находились персонал и люди, сохранено. Но, в общем-то, это ужасно.*

Глазьев: Мы видим, к чему привела иракская авантюра. Это не было обосновано никакими серьезными причинами. Эти страны никому не угрожали, массового оружия у них не было. Но они стали жертвой американской геополитики в борьбе за лидерство.

Мы можем к этой теме вернуться, но тот факт, что до последнего времени переход с одного технологического уклада на другой всегда сопровождается ростом государственного влияния на экономику. Это рост государственных расходов, рост государственных кредитов и увеличение роли государства в качестве агента развития, то есть в целеполагании, планировании.

Панарин: *То есть, можно сказать, роль государства возрастает?*

Глазьев: Это объективно. Частный капитал в эпоху кризисной турбулентности теряет ориентиры и не склонен к долгосрочным инвестициям, которые критически важны для прорыва экономики на новую волну развития.

Но спецификой нынешнего нового уклада является то, что главными носителями спроса на его продукцию является здравоохранение - это клеточные технологии, это гамма лекарств, которые делаются методами генной инженерии, это образование, которое предъявляет спрос на новые информационные продукты, и это наука, которая является главным потребителем всех этих новых технологий. То есть в комплексе здравоохранение-образование-наука будущее экономики нового уклада - это примерно 40 процентов валового продукта.

Панарин: *Гигантская цифра.*

Глазьев: Но самая большая отрасль - это здравоохранение, следующая по величине - образование. Поэтому милитаризация как способ увеличения государственного вмешательства для освоения новых технологий теряет свое значение.

Панарин: *Она потихонечку, вы хотите сказать, начнет уменьшаться?*

Глазьев: Я хочу сказать, что это в какой-то мере страхует нас от новой гонки вооружений. Это, конечно, не означает, что ее не будет. Есть силы, заинтересованные в развертывании этой гонки вооружений под всякими предлогами.

Панарин: *Часто выдуманнными, конечно.*

Глазьев: Например, система ПРО в Восточной Европе как провокация, в ответ на которую мы должны сделать свой контрход.

Панарин: *Фактически это развязывание гонки вооружений.*

Глазьев: Такие силы есть, но их объективная востребованность, к счастью, невелика.

И вот печатные станки. В эпоху кризиса, как я уже сказал, возникает финансовая турбулентность. Капитал, выходя из устаревших производств, нескоро находит дорогу в новые. Возникают финансовые пузыри.

Получается, что вроде денег на рынке много, но им некуда деваться, и они в рамках спекуляций обесцениваются. Одновременно с этим есть голод на долгосрочные кредиты в новых направлениях. И этот голод государство вынуждено удовлетворять, прибегая к печатному станку.

Что такое эмиссия денег? В современной экономике это авансирование экономического роста.

Панарин: *Будущего экономического роста.*

Глазьев: Государство создает кредит, с помощью которого промышленность осваивает новые технологии при правильной денежной политике. При неправильной денежной политике государство может создавать кредит, который будет осваиваться финансовыми спекулянтами, превращаться в пузыри и генерировать инфляцию. Поэтому в зависимости от того, как проводится денежная политика, ее эффективность сильно отличается.

Панарин: *Получается, в этой войне печатных станков победит тот, кто более умело...*

Глазьев: Победит тот, кто, во-первых, создаст для себя неограниченный источник "длинных" денег, благодаря этому будет иметь преимущество в ресурсе. Но ресурс надо уметь использовать. И эти деньги нужно направлять на освоение новых технологий.

Новый технологический уклад с точки зрения его технологического наполнения. Можно посмотреть по странам, что в ведущих странах мира основная часть антикризисных расходов именно туда и направляется - на повышение энергоэффективности, на стимулирование новых технологий, на инфраструктуру.

Панарин: *Это Китай, США, Европа?*

Глазьев: И Корея. Там практически все деньги пошли на повышение энергоэффективности. Поэтому для этой системы важно иметь стратегическое планирование, чтобы понимать, куда направлять деньги, долгосрочные институты, которые бы эти деньги принимали и дальше трансформировали в реальные инвестиции.

В настоящий момент такие системы в ведущих странах мира созданы. Но нельзя сказать, что они работают со стопроцентной эффективностью. На самом деле, нынешний кризис имеет еще одно отличие от предыдущих - это гигантский масштаб финансовых спекуляций.

То есть до квадранллионов долларов мы еще не доходили. И ситуация, когда объем деривативов, производных финансовых, чисто спекулятивных бумаг превышает объем денежной массы в 20 раз...

Панарин: *То есть это, можно сказать, на порядок?*

Глазьев: Возникает, конечно, страх вообще потери управляемости, потому что все активы центральных банков мира в 20 раз меньше объема финансовых спекуляций, которыми занимаются частные банки. Хотя они подписываются государственными печатными станками.

Панарин: *В этом смысле не может ли у кого-то быть искушения использовать этот печатный станок, скажем, для получения преимуществ?*

Глазьев: Здесь двойственная ситуация. С одной стороны, есть объективная логика, о которой мы говорили. А с другой - текущие интересы обеспечения стабильности и выживания. Поэтому государство, прибегая к денежной эмиссии, решает одновременно две задачи: поддерживает стабильность существующих институтов и создает ресурсы для инвестиций в будущее.

Сейчас все банки мира, все эмитенты мировых резервных валют, а это Федеральная резервная система (ФРС) США, Центральный банк Соединенного Королевства (или просто Банк Англии), Европейский центральный банк и Центральный банк Японии - это четверка эмитентов мировых валют.

Панарин: *А мы там никак пока?*

Глазьев: У нас валюта является мировой только для белорусов, которые используют рубль в качестве части своих резервов.

Я говорю про резервные валюты. Значит, все эти четыре ведущих мировых банка перешли к политике печатания неограниченного количества денег. Они сняли все количественные ограничения.

Панарин: *В том числе и китайцы, и европейцы, и японцы?*

Глазьев: Китайцы сюда не входят, потому что юань - пока не резервная валюта.

США, Великобритания, Европа и Япония перешли к политике безграничной денежной эмиссии под отрицательный процент. То есть получатели кредитов еще имеют премию за то, что они берут кредит, чтобы его куда-то вложить.

Панарин: *Долго это может продолжаться?*

Глазьев: Объявлено, что это будет продолжаться как минимум до 2015 года. Масштаб этой кредитной экспансии впечатляет. Скажем, за один прием Европейский центральный банк печатает триллион евро.

Панарин: *Это гигантская цифра.*

Глазьев: Что такое триллион евро? Нам надо 10 лет экспортировать нефть, чтобы получить триллион евро. Поэтому и в названии этой статьи образно представили ситуацию как войну печатных станков. То есть для того, чтобы захватить экономическое пространство, нужны деньги.

Панарин: *Интересно: России нужно 10 лет продавать нефть, чтобы получить то, что они делают за один день.*

Глазьев: За одно мгновение.

Панарин: *За одно мгновение Европейский банк печатает триллион евро. Этот пример наиболее ярко характеризует войну печатных станков.*

Глазьев: В этом колоссальное преимущество эмитентов мировых валют. Их пустые бумаги, даже записи на счетах, виртуальные деньги превращаются в реальный продукт после того, как они обмениваются на импорт нефти, каких-то других материальных благ и приобретение собственности.

Я не разделяю оптимизма некоторых экспертов, которые рассказывали, что была проведена величайшая успешная сделка - продажа 7 процентов акций Сбербанка каким-то трем американским фондам. И еще на этом получили астрономические комиссии те, кто этим занимался.

Что это такое, если посмотреть с другой стороны? Три американских фонда, имеющих неограниченный доступ к печатному станку, получающих годовые кредиты под 2 процента, для них это просто вопрос переговоров с Федеральной резервной системой 2-3 дня, и купить любую собственность где угодно в мире. Что это как не финансовая война? Война за обладание реальным ресурсом.

Панарин: *А как нам защититься в этой финансовой войне?*

Глазьев: Во-первых, хотел бы сначала проследить логику. У экономистов она обрывается в момент трансформации денег в реальные активы. Экономисты в большинстве своем не понимают реальных политико-экономических последствий трансформации пустых денег в реальные активы. Они просто не отличают реальные ценности от виртуальных. Так устроено современное основное течение экономической мысли.

Конечно, не для всех экономистов, а для тех, кто исповедует теорию монетаризма, и сторонников либеральной теории рыночного фундаментализма рынок - в любом случае хорошо. Они не отличают виртуальный рынок от реального. А неэкономисты видят последствия, что наши геоэкономические, даже геополитические конкуренты за здорово живешь все у нас скупают.

Мы пришли к ситуации, когда, как сказал президент в своем послании, девять из десяти сделок проходят в оффшорных зонах. А что это за сделки? Кто их финансирует? Если они в оффшорных зонах, в иностранной юрисдикции, они все в долларах или в евро, значит...

Панарин: *То есть фактически в тех валютах, которых мы не имеем...*

Глазьев: Получается, что оборот нашей собственности, наших заводов, месторождений, проходит мимо, в другой юрисдикции, не в нашей, за нашей спиной, можно сказать. И доминируют в этом обороте те, кто печатает деньги из воздуха, потому что у них неоспоримое конкурентное преимущество. Они могут выложить на стол столько денег, сколько нужно, чтобы купить любую страну.

Но здесь эта трансформация туго осознается, потому что, казалось бы, мы продаем за доллары и евро наши активы и наши реальные ценности. Но мы же эти доллары и евро потом можем использовать и купить что-то по импорту, купить у них активы. То есть мы вроде как не просто за воздух торгуемся.

Панарин: *То есть вроде бы все на равных?*

Глазьев: Но в действительности мы понимаем, что эта игра - неравная, несправедливая. То есть они печатают бесконечно, а мы должны пахать, добывать реальный актив. В этом смысле это похоже на фокусничество, когда заставляют одни, как в фильме "Кин-дза-дза!", помните, кто умеет одеть лиловые штаны, может заставить того, у кого нет лиловых штанов, работать на себя.

Панарин: *Судя по всему, мы пока не в тех штанах. Как нам одеть те штаны?*

Глазьев: Что здесь важно понимать? Важно понимать, что, печатая такое количество денег, конечно, никто в Америке, Европе, Англии и Японии не говорит, что эти деньги печатаются для захвата чужой собственности. Они так даже и не думают. То есть для денежных властей этих стран важно сохранить свою банковскую систему.

Панарин: *Сергей Юрьевич, как нам защититься в этой финансовой войне?*

Глазьев: Я бы хотел сначала показать логику. Банковская система испытывает перенапряжение, потому что огромная часть активов, куда были вложены деньги, обесценилась. Ипотечные кредиты рухнули, рынок недвижимости рухнул. Люди потеряли дома. Два миллиона потерь - это немалая сумма.

Панарин: *Два миллиона? Это в Америке? Если умножить на четыре, гигантская цифра получится.*

Глазьев: Двадцать миллионов людей потеряли пенсионные сбережения. В Америке просто катастрофа в некоторых сегментах общества. Это не шуточки. Поэтому они печатают деньги для поддержания своей банковской системы. Потому что если банковская система лопнет, это будет уже конец света.

Панарин: *Причем не только для Америки, но и для всего мира.*

Глазьев: Для поддержания банковской системы они печатают деньги. Но объективно, даже если мы предположим, что у этих банкиров нет денег скупать российскую собственность, то они оказываются в ситуации, когда для того, чтобы свести концы с концами они должны занимать огромное количество денег. И хотя эти деньги даются им практически бесплатно, но тем не менее все-таки номинальный один процент, но есть. Поэтому они должны будут рассчитываться этой суммой.

Поэтому, естественно, возникает объективная потребность распихивать деньги куда-то, чтобы хоть где-то получить доходы. И наш недооцененный,

недокапитализированный рынок - это, естественно, приманка, которая обязательно будет использована. А дальше - тоже, как хотите, вопрос приоритета.

Мы знаем, что в ходе приватизации почему-то американские компании, близкие к американским спецслужбам, благодаря своим советникам, сидевшим в Росимуществе, ухитрились скупить именно те предприятия авиационной промышленности, которые выпускали критически значимые комплектующие.

Панарин: *Для национальной безопасности собственной промышленности?*

Глазьев: Да. И дальше эти предприятия начали закрываться. Я помню, я некоторое время работал в Совете безопасности, вынужден был придумывать, каким образом вернуть эти предприятия обратно России. Даже не государству, а просто в российскую юрисдикцию. Потому что на этих предприятиях просто прекращалось производство.

Панарин: *То есть фактически это форма такого экономического давления?*

Глазьев: Это просто блокирование нашего оборонного потенциала. Например, кварцевое стекло. Мы знаем, что в Гусь-Хрустальном делают красивые изделия из хрусталя. Но главной сферой деятельности было изготовление космического стекла для высокоточных, высокопрочных конструкций. И где эти люди? Их просто уже нет физически. Этим инженеров, кто захотел, отправили в Америку, предложили им там работу, и они там спокойно работают на нашего геополитического конкурента.

Если есть гигантский поток денег, который ваш центральный банк печатает как бы для своих нужд, ничего не мешает соответствующим структурам, ориентированным на другие цели - на захват влияния, на удержание лидерства в мире, на подавление геополитических конкурентов - направить эти деньги именно на эти цели. Денег так много, что манипуляция даже небольшой частью этого потока позволяет получать гигантские преимущества в любой стране мира. Поэтому это и назвали войной печатных станков.

Панарин: *Наш президент, выступая 12 декабря с ежегодным посланием, произнес слово "деофшоризация". Это и есть некий защитный барьер в борьбе с потенциальной агрессией печатных станков, с вашей точки зрения?*

Глазьев: Во-первых, я хочу привести один пример, который покажет, что эта финансовая агрессия - это не пустые слова. Премьер-министр Малайзии Мохаммед Махатхир, создавший экономическое чудо, два десятилетия воевал с Валютным фондом и с международной финансовой системой. Почему он это делал? Потому что в период предыдущего структурного кризиса, когда тоже были финансовые пузыри и была аналогичная картина, страны с открытым валютным режимом, как у нас, полностью либеральный валютный режим, у нас нет ограничений по трансграничным движениям денег.

Так вот, избыточные деньги приходили в некую страну, предположим в Малайзию. Приток этих денег вызывал вздутие фондового рынка. Здесь закон спроса-предложения: чем больше спрос на какие-то активы, тем больше цены на финансовом рынке. Появлялись финансовые пузыри, они вздувались, переходили в режим финансовых пирамид, Потом иностранные спекулянты, контролирующие ситуацию, уходили с рынка со сверхприбылями. И все обваливалось многократно.

Панарин: *Прежде всего Сорос, да?*

Глазьев: В том числе. Он же это описывал в своих книжках. Не думайте, что это где-то за океаном. Именно это произошло у нас в период приватизации, вспомните: пирамида МММ, спекуляции на фондовом рынке. Это только нам казалось, что там российские махинаторы. На самом деле, 70 процентов сделок на российском фондовом рынке проходило в пользу американского капитала. Для этого и сидели американские советники в соответствующих ведомствах. Они подсказывали американским спекулятивным фондам, где что покупать.

Чем это кончилось? Это кончилось катастрофой 1998 года. Что мы потеряли, мы помним, - сбережения, курс рубля полетел. А что выиграли спекулянты? Я как-то посчитал: за один доллар, вложенный в покупку приватизационных чеков и затем в раскрутку финансовых пирамид, к моменту финансовой пирамиды ГКО спекулянты уже получили около 10 долларов. Затем они это дело на пирамиде ГКО увеличили еще в 30 раз. Договорившись с Центральным банком, они обеспечили себе режим вывода денег из России, как будто для того, чтобы привлечь спекулятивный капитал, отменили валютный контроль по этим бумагам.

Валютный контроль тогда был. Но если вы купили ГКО и продали потом ГКО, то с этой операцией вы потом могли безо всяких препятствий обменять доллары и вывести деньги, что они и сделали за два месяца до краха. Пользуясь своими связями в некоторых наших властных структурах, они ухитрились даже под занавес просто договориться с людьми, которых вскрыла комиссия Совета Федерации, кто этим занимался. Договорились, что они просто обменяли свои рублевые гкошки на долларовые облигации российского государства.

Такое мошенничество тоже имело место. Иными словами, мы остались с разрушенной финансовой системой, наши банки обанкротились, страна обанкротилась.

Панарин: *А они получили гигантскую прибыль.*

Глазьев: Они получили прибыль один к тридцати. У нас фондовый рынок упал в 10 раз. Они через год опять заходят и покупают десятикратно подешевевшие активы.

Панарин: *Фактически за копейки.*

Глазьев: Мы имеем в виду, конечно, успешную операцию. Были успешные операции и неудачные. Но если мы возьмем траекторию, что каждая сделка является успешной, на самом деле, риски были небольшие, таких сделок было большинство, то на один доллар, вложенный в 1994 году, в 2002 году можно было купить активов уже на 300 долларов.

Панарин: *То есть, получается, в 300 раз. Как нам прикрыть эту лавочку?*

Глазьев: Это все происходит на наших глазах. И наши денежные власти этому рукоплещут. Это не считается угрозой национальной безопасности, и продолжается линия, что давайте будем держать наши ворота открытыми, потому что если мы начнем фильтровать, то они, дескать, от нас убегут и к нам не придут.

Какая денежная политика у Китая, Индии, Бразилии? У них нет мирового печатного станка. Но у них вся финансовая экономическая система ориентирована на внутренние источники. Нам создали миф о том, что Китай сделали иностранные инвестиции. Это часть истории успеха.

Это была, скорее, добавка к главному механизму финансирования экономического роста в Китае за счет денежной эмиссии, которая распределялась через государственные банки Китая, доходила до предприятий, предприятия получали безграничный долгосрочный кредитный ресурс под программы модернизации, реконструкции и распития. При этом тех, кто воровал, расстреливали, иногда публично. Эта система не терпит воровства.

Но тем не менее это была жесткая конкурентная среда, где добросовестные заемщики могли получить безграничный кредит на достаточно длительные сроки. А для того чтобы стимулировать эффективность, китайцы устраивают внутри конкуренцию. Допустим, они дают возможность получить кредиты четырем заводам одинакового профиля. Затем они из этих четырех должны выбрать два. То есть между ними возникает ситуация конкуренции: либо грудь в крестах, либо голова в кустах. Это заставляет людей работать.

Вообще, в истории любого экономического чуда никогда не было проблемы с деньгами. Возьмите любую страну, которая совершила рывок, деньги для рывка всегда были. В этой борьбе, во-первых, необходимо понимать, что дешевые иностранные деньги - это ловушка, в которую мы уже вляпались дважды, - в 1998 году, потом в 2007 году. Практически все наши корпорации оказались банкротами за два дня после того, как обвалился наш финансовый рынок. Во-вторых, мы должны заместить иностранные источники кредита нашими внутренними.

Панарин: *Фактически это китайская модель.*

Глазьев: Можно сказать так. Эта система работала и в Советском Союзе, и в послевоенной Европе. Общий механизм простой: государство выдерживает столько денег, сколько надо для модернизации долгосрочного развития. При этом главная опасность заключается в притоке денег на финансовый рынок. То есть когда заемщик вместо того, чтобы вкладывать в развитие производства, просто вкладывает в спекуляции, тогда возникает угроза инфляции.

Поэтому здесь нужен контроль за целевым использованием денег. Для этого нужны государственные банки развития, причем их надо расширять довольно существенно. И нужен валютный контроль для того, чтобы неповадно было финансовым спекулянтам эти дешевые государственные деньги переводить в валюту, играя против рубля. Что у нас и произошло в 2008 году, когда банкиры получили 2 триллиона рублей и бросили их на валютный рынок, обрушили рубль в полтора раза, а до реального сектора эти деньги не дошли.

Здесь валютный контроль необходим для того, чтобы не допускать валютных спекуляций, а с другой стороны, для того, чтобы отсекал иностранные спекулятивные деньги от долгосрочных инвестиций. Для этого нужен фильтр. Например, вход свободен, а выход через три месяца после того, как ты заявил о выходе, а, может, и больше. Например, Мохаммед Махатхир определил срок в год, хочешь выйти - пожалуйста, но год должен отработать, раз ты вошел.

Очень важно сохранять контроль за стратегически важными отраслями. Это только так кажется, что если у вас в кармане доллар, вы в Америке можете купить что хотите. Вовсе нет. Вам не продадут ни порт, ни автомобильный завод, ни какую-то новейшую разработку. Ведь сколько было скандалов. Помните, наши хотели купить автомобильный завод в Канаде, ничего из этого не вышло.

Панарин: *Причем даже в ситуации глубокого кризиса все равно не дали.*

Глазьев: Потому что боятся доступа к современным технологиям. И мы тоже должны иметь перечень стратегически важных производств, отраслей и видов деятельности, где должен быть национальный контроль. Итог всей этой работы - деофшоризация.

Панарин: Сможем мы?

Глазьев: Если захотим, конечно, сможем.

 [Аудиоверсия программы](#)

По теме

- США спасут мир от глобальной депрессии
- Михаил Хазин: "Евросоюз в современном состоянии - не жилец" ("Визави с миром")
- Япония ищет свой путь в глобализирующемся мире
- "Главный политик в мире - кризис" ("Политбюро")
- Бюджет ЕС нуждается в основательных обсуждениях
- Европа возлагает экономические надежды на Латинскую Америку
- Греция еще не коснулась "финансового дна"

Источник: радио Голос России http://rus.ruvr.ru/radio_broadcast/6320486/99512666.html